

П Р И Л О Ж Е Н И Е

SCRIPTORES
HISTORIAE AUGUSTAE

АВТОРЫ
ЖИЗНЕОПИСАНИЙ
АВГУСТОВ

П Р О Д О Л Ж Е Н И Е

SCRIPTORES HISTORIAE AUGUSTAE

Перевод С. П. Кондратьева
под ред. А. И. Доватура
Примечания С. П. Кондратьева

Х. Элий Спартиан

СЕВЕР

I. (1) После того, как был убит Дидий Юлиан, императорскую власть получил Север, который был родом из Африки. (2) Место его рождения — город Лептис; отец его назывался Гетой, предки были римскими всадниками раньше, чем право гражданства было дано всем; матерью его была Фульвия Пия, двоюродными дедами со стороны отца — консуляры Апер и Север, дедом со стороны матери — Мацер, дедом со стороны отца — Фульвий Пий. (3) Сам он родился в консульство Эруция Клара (вторичное) и Севера¹ за пять дней до апрельских ид. (4) В раннем детстве, когда он еще не приступил к изучению греческой и латинской литератур, в которых он впоследствии был особенно сведущ, он играл с мальчиками только в одну игру — в судьи: тут перед ним носили связки с топорами, он восседал, окруженный отрядом мальчиков, и творил суд. (5) На восемнадцатом году он публично выступил с речью. Впоследствии он прибыл в Рим для прохождения образования. Он попросил у божественного Марка разрешения носить широкую пурпурную полосу и получил его благодаря покровительству своего родственника Септимия Севера, который был уже дважды консуляром. (6) В день своего прибытия в Рим он застал человека, у которого он остановился, за чтением жизнеописания императора Адриана, что Север отметил как благоприятное знамение своих будущих успехов. (7) Он получил и другое знамение, предвещавшее ему императорскую власть: приглашенный к императорскому столу, он явился в греческом плаще, тогда как должен был прийти в тоге, и ему дали наместническую тогу, принадлежавшую самому императору. (8) В ту же ночь он видел во сне, что он сосет вымя волчяцы, как Рем или Ромул. (9) Он сел на неправильно поставленное служителем императорское кресло, не зная, что этого делать нельзя. (10) Когда он спал в своем помещении, змея обвилась вокруг его головы; близкие его, проснувшись, подняли крик, и она уползла, не причинив ему вреда.

II. (1) Молодость его была полна безумств, а подчас — и преступлений. (2) Он был обвинен в прелюбодеянии и оправдан проконсулом Юлианом, преемником которого он был в проконсульстве, сотоварищем по консульству и опять-таки преемником по императорской власти. (3) В должности квестора он проявил старательность, должность военного трибуна он миновал. После квесторства он получил по жребью Бетику, а оттуда уехал в Африку, чтобы после смерти отца устроить свои домашние дела. (4) Пока он находился в Африке, вместо Бетики ему была назначена Сардиния, так как Бетику опустошали мавры. (5) Закончив свое квесторство в Сардинии, он получил назначение быть легатом при проконсуле Африки. (6) Когда он был там легатом, один

¹ 146 г. н. э.

лептинец, простой человек из одного с ним муниципия, обнял его, как старого товарища, в то время, как перед ним несли связки. Север наказал его розгами, причем глашатай объявил решение: «Не смей, простой человек, дерзко обнимать легата римского народа». (7) Этот случай повел к тому, что легаты, ходившие прежде пешком, стали ездить в повозках. (8) Тогда же, беспокоясь о своем будущем, он обратился к астрологу и под данным часом увидел великие дела; астролог сказал ему: (9) «Дай мне сведения о своем, а не о чужом рождении» — и, после того как Север поклялся, что это — его собственные данные, тот предсказал ему все, что впоследствии сбылось.

III. (1) Он удостоился должности народного трибуна по назначению императора Марка и, исполняя ее, обнаружил исключительную строгость и энергию. (2) Тогда же он женился на Марции, о которой он ничего не сказал в истории своей частной жизни. Впоследствии, став императором, он поставил ей статуи. (3) На тридцать втором году он был назначен в преторы императором Марком — не из числа одетых в белую тогу, а из толпы подсудителей. (4) Посланный после этого в Испанию, он увидел во сне, во-первых, что ему сказано восстановить храм Августа в Тарраконе, который начал разрушаться; (5) затем, будто с вершины очень высокой горы он видит весь круг земель и Рим, причем все провинции играют на лире и флейте или поют. Он устроил игры в свое отсутствие. (6) Затем он был поставлен во главе четвертого скифского легиона, стоявшего близ Массилии. (7) После этого он поехал в Афины ради науки, святиль, сооружений и древностей. Но так как афиняне нанесли ему какие-то обиды, то он стал их врагом и, сделавшись императором, отомстил им, уменьшив их привилегии. (8) Затем он получил — в качестве легата — Лугдунскую провинцию. (9) Потеряв свою первую жену и пожелав взять вторую, он внимательно исследовал гороскоп невест, будучи сам очень опытным в астрологии. Узнав о том, что в Сирии есть некая девушка, в гороскопе которой значится, что она соединится с царем, он посватался к ней, то есть к Юлии, и благодаря содействию друзей получил ее; в скором времени он стал от нее отцом.

IV. (1) За свою строгость, внимательность и бескорыстие он был любим галлами больше, чем кто бы то ни было другой. (2) Затем он управлял с проконсульской властью Паннониями. После этого ему досталась по жребию проконсульская Сицилия. В Риме у него родился второй сын. (3) Он был обвинен в том, что во время своего пребывания в Сицилии он спрашивал предсказателей или халдеев, будет ли он императором. Однако префекты претория, которым было поручено слушать это дело, оправдали его, так как Коммод уже начал вызывать к себе ненависть; клеветник был распят на кресте. (4) Консульскую должность он в первый раз² исполнял вместе с Апулеем Руфином, причем Коммод наметил его из очень большого числа соискателей. После консульства он почти год оставался бездолжности; затем, по ходатайству Лета, он был поставлен во главе германского войска. (5) Отправляясь к германским войскам, он купил обширные сады; до тех пор у него был очень тесный дом в Риме и одна небольшая усадьба в Венетской области. (6) Как-то раз он лежал в этих садах на земле в скромно обедал со своими сыновьями. Когда его старший сын, которому было пять лет, стал слишком щедро паделать поданными фруктами других мальчиков, своих товарищей по играм, Север с упреком сказал ему: «Раздавай не так щедро, ведь у тебя нет царских богатств». В ответ на это пятилетний мальчик сказал: «Но они у меня будут». (7) Отправившись в Германию, Север так вел себя на этом посту, что еще более увеличил свою — уже и раньше большую — славу.

V. (1) До сих пор он командовал войском не как император. Когда же до германских легионов дошел слух о том, что Коммод убит, а правит Юлиан, вызывая к себе всеобщую ненависть, они в Карнунте в августовские иды провозгласили императором Севера, хотя он, несмотря на уговоры многих, отказывался. (2) Он дал воинам ... се-стердиев, сколько никогда не давал ни один государь. (3) Затем, упрочив за собой провинции, которые он оставлял в тылу, он направил свой путь в Рим. Повсюду, где он проходил, все подчинялось ему; иллирийские и галльские войска под давлением своих

² 189 г. н. э.

начальников присягнули ему. (4) Все принимали его как мстителя за Пертинакса. (5) В то же время сенат, по предложению Юлиана, объявил Септимия Севера врагом, а к его войску были от имени сената отправлены послы, чтобы приказать воинам покинуть Севера согласно предписанию сената. (6) Услыхав, что послы отправлены по единодушному решению сената, Север сначала испугался, но затем, подкупив послов, добился того, что они говорили перед войском в его пользу и перешли на его сторону. (7) Узнав об этом, Юлиан заставил сенат вынести постановление о разделе власти между ним и Севером. (8) Неизвестно, сделал ли он это искренне или с коварной целью, так как он уже раньше подослал нескольких лиц, известных тем, что они убивали вождей, — чтобы они умертвили Севера, подобно тому, как он еще раньше подослал убийц к Песценнию Нигру, который также, став против него, принял императорскую власть по почину сирийских войск. (9) Северу, однако, удалось спастись от рук тех, кого Юлиан послал для его убийства. Он отправил письмо преторианцам и дал им приказ либо покинуть, либо убить Юлиана, и они немедленно послушались его: (10) Юлиан был убит в Палатинском дворце, а Север приглашен в Рим. (11) Итак, Север — что никогда еще никому не удавалось — в одно мгновение ока оказался победителем и с оружием в руках направился в Рим.

VI. (1) После убийства Юлиана, пока Север продолжал оставаться в лагере, в палатках, как бы двигаясь по вражеской земле, сенат направил к нему сто сенаторов в качестве послов для передачи поздравлений и приглашения. (2) Они встретили его в Интерамне, и он принял их приветствия, вооруженный и окруженный вооруженными людьми; предварительно они подверглись обыску, — нет ли при них какого-нибудь оружия. (3) На следующий день, когда его встретила вся дворцовая челядь, он дал каждому послу по семьсотдвадцать золотых (4) и отправил их вперед, разрешив желающим остаться и вернуться в Рим вместе с ним. (5) Он также немедленно сделал префектом Флавия Ювенала, которого еще Юлиан взял себе в качестве третьего префекта. (6) Между тем в Риме как среди воинов, так и среди граждан царил великий страх, так как они видели, что Север с оружием в руках идет на них, которые признали его врагом. (7) К тому же Север узнал, что сирийские легионы провозгласили императором Песценния Нигра. (8) Эдикты и письма последнего народу и сенату он перехватил с помощью тех лиц, которые были посланы, — и тем предотвратил объявление их народу и чтение их в курии. (9) В то же время он думал о назначении себе преемником Клодия Альбина, относительно которого, как казалось, существовало постановление, наделявшее его цезарской [или коммодовой] властью. (10) Однако опасаясь этих самых людей — а он правильно судил о них, — он послал Гераклита завладеть обеими Британиями, а Плавдиана — захватить детей Нигра. (11) Прибыв в Рим, Север приказал преторианцам выйти к нему навстречу в одних подпанцирных одеждах, без оружия. В таком же виде он вызвал их к трибуне, окружив со всех сторон вооруженными людьми.

VII. (1) Вступив в Рим, он, сам вооруженный, поднялся с вооруженными воинами на Капитолий. Оттуда он в таком же виде двинулся дальше в Палатинский дворец, причем перед ним несли отнятые им у преторианцев значки, склоненные вниз, а не поднятые. (2) Затем воины разместились по всему городу — в храмах, в портиках, в здании Палатинского дворца, словно на своих квартирах. (3) Вступление Севера в Рим вызвало чувства ненависти и страха: воины грабили все, ни за что не платя, и грозили городу опустошением. (4) На следующий день он пришел в сенат, окруженный вооруженными людьми — не только воинами, но и друзьями. В курии он дал отчет о причинах, заставивших его принять императорскую власть, и жаловался на то, что Юлиан послал для его убийства людей, известных тем, что они умертвили других вождей. (5) Он принудил сенат вынести постановление, по которому императору запрещалось убивать сенатора, не испросив на то согласия сената. (6) В то время, как он находился в сенате, воины, подняв мятеж, потребовали от сената по десяти тысяч сестерциев на человека — по примеру тех, которые привели в Рим Октавиана Августа и получили такую сумму. (7) Север хотел обуздать их, но не мог этого сделать; успокоил он их щедрой раздачей и отпустил. (8) Затем он устроил торжественные похороны изоб-

ражения Пертинакса, причислив его к богам и дав ему фламину и товарищество жрецов — гельвианцев — тех, которые прежде были маркианцами. (9) Себя он приказал называть также Пертинаксом, но впоследствии пожелал отменить это имя как дурное знамение. Потом он заплатил долги своих друзей.

VIII. (1) Своих дочерей он выдал замуж с хорошим приданым за Проба и Аэция. Когда он предложил своему зятю Пробу должность префекта Рима, тот отказался, сказав, что, по его мнению, быть префектом Рима значит меньше, нежели быть зятем императора. (2) Обоих своих зятев он сразу же сделал консулами и обоих обогатил. (3) На следующий день он пришел в сенат и, выступив с обвинениями против друзей Юлиана, присудил их к конфискации имущества и к смерти. (4) Он разбирал множество судебных дел; судей, обвиненных провинциалами, он — в случае доказанности вины — жестоко наказывал. (5) Хлебные запасы, которые он застал в ничтожном количестве, он пополнил так, что, уходя из жизни, оставил римскому народу запас на семь лет. (6) Он отправился для укрепления положения на Востоке, пока еще ничего не говоря открыто о Нигре. (7) Однако же он послал легионы в Африку, чтобы Нигер — через Ливию и Египет — не занял Африку и не заставил римский народ страдать от недостатка хлеба. (8) Вместо Басса, он оставил префектом Рима Домиция Декстра и выступил через тридцать дней по прибытии в Рим. (9) Выйдя из города, он у Красных скал выдержал крупнейший мятеж войска, поднявшийся из-за места, выбранного для разбивки лагеря. (10) Навстречу ему поспешил его брат Гета, которому он дал приказ управлять порученной ему провинцией, хотя тот ожидал совсем другого. (11) Привезенных к нему детей Нигра он окружил таким же почетом, как и своих. (12) Предварительно он выслал легион для захвата Греции и Фракии, чтобы их не занял Песценний; но Нигер уже держал в своих руках Византий. (13) Желая занять и Перинф, Нигер погубил много народа в войске и поэтому — вместе с Эмилианом — был объявлен врагом. (14) Когда он стал приглашать Севера разделить с ним власть, Север с презрением отверг это предложение. (15) Он предложил Нигру безопасное изгнание, если тот этого захочет, но Эмилиана он не простил. (16) Побежденный полководцами Севера в Геллеспонте, Эмилиан бежал сначала в Кизик, а затем в другой город, где он и был убит по их приказу. (17) Теми же полководцами были рассеяны и войска Нигра.

IX. (1) Услыхав об этом, Север отправил сенату письмо, словно все дело было закончено. Затем он вступил в столкновение с Нигром, убил его в Кизике, а голову его приказал носить на колье. (2) После этого он отправил в ссылку — вместе с их матерью — детей Нигра, которых он раньше воспитывал так же, как и своих детей. (3) О своей победе он уведомил сенат письмом. Из сенаторов, которые стояли на стороне Нигра, он никого, за исключением одного человека, не казнил. (4) Он был разгневан на антиохийцев за то, что они издевались над ним, когда он был правителем на Востоке, и за то, что они помогали Нигру даже после того, как тот был побежден. Словом, он лишил их многого. (5) У жителей Неаполя в Палестине он отнял право считаться городом за то, что они долгое время с оружием в руках стояли за Нигра. (6) Он сурово наказал многих, последовавших за Нигром, — кроме лиц senatorского сословия. (7) Много городов, принадлежавших к той же партии, он подверг притеснениям и штрафам. (8) Он убил тех сенаторов, которые воевали на стороне Нигра в звании военных начальников или трибунов. (9) Затем он многое совершил в Аравии, привел к покорности и парфян, а также адиабенцев, которые все сочувствовали Песценнию. (10) За это ему по возвращении был назначен триумф и он получил прозвания — Аравийский, Адиабенский, Парфянский. (11) От триумфа он, однако, отказался, чтобы не показало, что он справляет триумф по поводу победы в гражданской войне. Не принял он и имени «Парфянский», чтобы не вызвать раздражения у парфян.

X. (1) Возвращаясь в Рим после гражданской войны с Нигром, он получал сообщение о другой гражданской войне, начатой Клодием Альбином, который поднял восстание в Галлия. Поэтому впоследствии были убиты его дети вместе с матерью. (2) Он немедленно объявил врагом Альбина, а также и тех, кто слишком мягко писал Альбину или отвечал на его письма. (3) Когда он шел против Альбина, то по пути, в Виминации, он объявил своего старшего сына Бассиана Цезарем, добавив ему имя Аврелия Анто-

нипа, — чтобы отнять у своего брата Геты появившуюся у того надежду на получение императорской власти. (4) Имя же Антонина он добавил своему сыну потому, что видел во сне, будто ему наследует Антонин. (5) Некоторые думают, что поэтому же и Гета был назван Антонином, чтобы и он унаследовал императорскую власть. (6) Иные думают, что он был назван Антонином потому, что сам Север хотел перейти в семью Марка. (7) Вначале полководцы Севера были побеждены полководцами Альбина. Тогда обеспокоенный Север обратился за советом к гадалкам и от паннонских авгуров узнал, что он будет победителем, а его противник не попадет в его руки, но не избегнет гибели и найдет свой конец у воды. (8) Многие из друзей Альбина, покинув его, немедленно перешли к Северу, многие начальники были взяты в плен — их Север наказал.

XI. (1) Затем, после многих военных действий с переменным успехом, Север сначала очень счастливо сразился с Альбином при Тиурции. (2) Тут он подвергся огромной опасности вследствие падения своего коня, и уже думал, что он умер, пораженный свинцовой пулей, так что войско чуть было не избрало другого императора. (3) В то же время, прочтя протоколы, содержавшие постановление о похвале Клодию Цельвиану, который был родом из Гадрумета и родственником Альбина, Север, разгневавшись на сенат, словно сенат сделал это в угоду Альбину, решил причислить к богам Коммода, полагая, что таким образом он сможет отомстить сенату. (4) Сначала он провозгласил среди воинов Коммода божественным, написав об этом сенату и присоединив к этому обращение по поводу победы. (5) Затем он приказал разрезать и разбросать трупы сенаторов, павших на войне. (6) Затем, когда было принесено тело Альбина, он велел отрубить у полумертвого голову и отправить ее в Рим вместе с письмом. (7) Альбин был побежден за десять дней до мартовских календ. Оставшуюся часть его труп Север велел положить перед его собственным домом, чтобы она долго там лежала. (8) Кроме того, сидя верхом на коне, он направил его на труп Альбина и, когда конь испугался, он так его подстегнул, что тот, хотя был без узды, стал смело топтать труп. (9) Некоторые добавляют, что Север велел бросить труп Альбина в Родан, а вместе с ним и трупы его жены и детей.

XII. (1) Было убито бесчисленное количество сторонников Альбина, среди них много первых лиц в Риме, много знатных женщин; имущество всех их было конфисковано и увеличило средства государственного казначейства. Одновременно было убито много видных испанцев и галлов. (2) Наконец, он выдал воинам столько жалования, сколько не выдавал ни один из государей. (3) Своим сыновьям он в результате этих конфискаций оставил такое состояние, какого не оставял ни один из императоров, так как большую часть золота, имевшегося в Галлиях, Испаниях и Италии, он сделал императорской собственностью. (4) Тогда было впервые учреждено управление частным имуществом императора. (5) Многие, сохранившие верность Альбину после его смерти, были побеждены оружием Севера. (6) В то же время стало известно, что арабский легион перешел на сторону Альбина. (7) И вот, отомстив за отложение Альбина, убив множество людей, истребив и род Альбина, Север прибыл в Рим, гневаясь на народ и сенат. (8) В сенате и на сходке он произнес хвалебную речь Коммоду, назвал его богом, сказал, что Коммод не нравился только опозоренным людям, — и всем стало совершенно ясно, что он в состоянии бешенства. (9) После этого он распространился о своей мягкости, хотя был в высшей степени жесток и убил нижепоименованных сенаторов.

XIII. (1) Он убил без суда следующих знатных лиц: Муммия Секундина, Азеллия Клавдиана, (2) Клавдия Руфа, Виталия Виктора, Папия Фауста, Элия Цельза, Юлия Руфа, Лоллия Професса, Аврункулея Корнелиана, Антония Бальба, Постумия Севера. (3) Сергия Лустрала, Фабия Паулина, Нония Гракха, Мاستиция Фабиана, Касперия Агриппина, Цейония Альбина, Клавдия Сульпициана. (4) Меммия Руфина, Касперия Эмилиана, Кокцея Вера, Эруция Клара, Луция Стилона. (5) Клодия Руфина, Эгнатулея Гонората, (6) Петрония Юниора, Песценниев — Феста, Верациана, Аврелиана, Матервана, Юлиана и Альбина, Цереллиев — Макрина, Фаустиниана и Юлиана, (7) Геренния Непота, Сульпиция Кана, Валерия Катгуллина, Нония Руфа, Клавдия Арабана, Марка Азеллиона. (8) И вот убийца столько столь славных людей — ведь среди них было много консуляров и бывших преторов, а все они вообще занимали вид-

нейшее положение — считается у африканцев чуть ли не богом. (9) Цинция Севера — он оклеветал, будто тот покушался отравить его, и под этим предлогом казнил его.

XIV. (1) Он бросил львам Нарцисса, который задушил Коммода. Кроме того, он лишил жизни множество людей скромного общественного положения, не считая погибших в сражениях. (2) После этого, желая привлечь к себе людей, он переложил почтовую повинность с частных лиц на императорскую казну. (3) Затем он принудил сенат дать Цезарю Бассиану имя Антонина с назначением ему императорских знаков отличия. (4) Тут возник слух о войне с парфянами. Отцу, матери, деду и первой жене он — по собственному почину — поставил статуи. (5) Узнав ближе образ жизни Плавциана, который был его лучшим другом, он до такой степени возненавидел его, что объявил его общественным врагом. Удалив на протяжении всего земного круга его статуи, он нанес Плавциану тяжелую обиду, разгневавшись на него главным образом за то, что среди изображений близких и родственных Северу лиц он поместил и свою статую. (6) Жителей Палестины он освободил от наказания, которое они заслужили в связи с делом Нигра. (7) Потом он опять помирился с Плавцианом, вместе с ним вступил в Рим и — словно получивший овацию — поднялся на Капитолий; впрочем, впоследствии он его убил. (8) Своему младшему сыну Гету он дал мужскую тогу, а старшего сочетал браком с дочерью Плавциана. (9) Те, кто называл Плавциана общественным врагом, были сосланы. Так всегда, как бы по естественному закону, происходит изменение во всем. (10) Затем он наметил в консулы своих сыновей. Своего брата Гету он возвысил. (11) После этого он отправился на войну с парфянами, предварительно устроив гладиаторский бой и прозвав раздачу народу. (12) Тем временем он убил многих по действительным или мнимым их винам. (13) Многие были осуждены за то, что подшучивали, другие за то, что молчали, иные за то, что не раз выражались иносказательно, например: «Вот император, действительно оправдывающий свое имя — действительно Пертинакс, действительно Север».

XV. (1) Народная молва утверждала, что Септимий Север стремится к борьбе с парфянами, побуждаемый страстью к славе, а не какой-нибудь необходимостью. (2) Переправив войско из Брундизия, он, нигде не останавливаясь, пришел в Сирию и отогнал парфян. (3) Но затем он опять вернулся в Сирию, чтобы подготовиться и начать войну с парфянами. (4) Тем временем он, по совету Плавциана, преследовал остатки партии Песценния, так что казнил даже некоторых своих друзей под тем предлогом, что они злоумышляют против него с целью лишить его жизни. (5) Кроме того, он погубил многих за то, что они будто бы обращались к халдеям и прорицателям с вопросами относительно его жизни и здоровья; особенно подозрительно относился он ко всякому, кто был способен стать императором, — ввиду того, что его собственные дети были еще малолетними; к тому же он либо верил, либо слышал, что об этом действительно говорят те, кто гадают о своей власти. (6) Однако после убийства некоторых лиц Север пытался оправдываться: после их смерти он утверждал, что не давал приказа сделать то, что было сделано. — Марий Максим рассказывает это главным образом по поводу смерти Лета. (7) Когда к Северу приехала его сестра, уроженка Лептиса, с трудом говорившая по-латыни, и императору пришлось много краснеть за нее, он, даровав ее сыну тогу с широкой пурпурной полосой, а ее самос щедро наделив подарками, приказал женщине вернуться на родину, — притом вместе с сыном, который вскоре умер.

XVI. (1) Таким образом, уже на исходе лета Север вторгся в Парфию и, заставив царя отступить, дошел до Ктезифонта и взял его, почти уже зимой: в этих местностях лучше вести войну зимой, так как воины питаются корнями растений и принимают себе этим разные болезни и недомогания. (2) Поэтому, хотя он и не мог идти дальше, так как парфяне оказывали сопротивление, а воины — вследствие непривычной пищи страдали поносом, — он все же проявил настойчивость, взял город, обратил в бегство царя, перебил множество врагов и удостоился прозвания «Парфянского». (3) За это и сына его — Бассиана Антонина, уже раньше объявленного Цезарем, которому шел тринадцатый год, воины провозгласили соучастником в управлении империей. (4) Младшего его сына Гету они провозгласили Цезарем, а также Антонином, как об этом пе-

редают многие. (5) По случаю этих провозглашений Север сделал воинам очень щедрый денежный подарок, предоставив им, согласно их просьбе, всю добычу от парфянского города. (6) Оттуда он вернулся в Сирию победителем и со званием «Парфянского». От предложенного ему сенаторами триумфа он отказался, так как не мог стоять в колеснице вследствие болезни суставов. (7) Сыну он разрешил отпраздновать триумф: сенат назначил ему триумф за победу над Иудеей, так как и в Сирии Север действовал с успехом. (8) Затем, перейдя в Антиохию, он наметил в консулы вместе с собою своего старшего сына, которому он дал мужскую тогу и немедленно же, в Сирии, они вступили в должность консулов³. (9) После этого, раздав воинам повышенное жалование, он направился в Александрию.

XVII. (1) Во время этого похода он утвердил много прав за жителями Палестины. Под страхом тяжелого наказания он запретил обращение в иудейство; то же он установил и относительно христиан. (2) Затем он дал александрийцам право иметь свой совет; до тех пор они жили без общественного совета, как и раньше при царях, — доверяясь одним судьей, которого дал им Цезарь. (3) Кроме того, он внес много изменений в их права. (4) Впоследствии сам Север всегда говорил, что это путешествие было для него приятным — и благодаря поклонению богу Серапису, и благодаря ознакомлению с древностями, и благодаря необычности животного мира и природы этих мест; действительно, он тщательно осмотрел и Мемфис, и статую Мемнона, и пирамиды, и лабиринт. (5) Так как было бы долго перечислять все мелочи, я упомяну о самом великодушном его поступке: после поражения и убийства Юлиана он распустил преторианские когорты, против воли воинов причислив Пертинакса к богам, приказав отменить постановления Сальвия Юлиана, — но последнего он не добился. (6) Наконец, прозвище «Пертинакс» он получил, по-видимому, не столько по своему желанию, сколько из-за бережливого образа жизни. (7) Из-за бесконечного ряда убийств его считали крайне жестоким; когда кто-то из его врагов умолял его о пощаде и сказал: «Что бы ты делал, будь ты на моем месте?», — Север не смягчился от этих разумных слов и велел умертвить его. (8) Кроме того, он очень рьяно уничтожал враждебные ему группировки и почти из всякого столкновения выходил победителем.

XVIII. (1) Он покорила персидского царя Абгара, принял под свою власть арабов, заставил аднабендев платить дань. (2) Величайшей славой его правления является то, что он укрепил Британию, перегородив ее — поперек всего острова — стеной, доходившей с обеих сторон до Океана. За это он получил прозвание «Бритацкого». (3) Триполитании, откуда он сам был родом, он доставил полную безопасность, разбив весьма воинственные соседние племена, и тем самым обеспечил римскому народу на вечные времена ежедневную обильнейшую даровую раздачу масла. (4) Север отличался не только неутомимостью по отношению к преступлениям, но и особенным умением выдвигать способных людей. (5) Достаточно много времени он отдавал занятиям философией и ораторским искусством и отличался необыкновенным рвением к наукам. (6) Повсюду он был врагом разбойников. Он сам составил добросовестное описание своей частной жизни и общественной деятельности, приводя оправдание только для одного своего порока — жестокости. (7) Сенат судил о нем так: ему не следовало бы либо родиться, либо умирать, так как, с одной стороны, он казался чрезвычайно жестоким, а с другой — чрезвычайно полезным для государства. (8) Однако у себя дома он был менее осмотрительным и удержал при себе свою жепу Юлию, прославившуюся своими любовными похождениями и виновную в участии в заговоре. (9) Когда из-за того, что он, страдая болезнью ног, вило вел войну, воины почувствовали беспокойство и провозгласили Августом его сына Бассиана, который находился при нем, Север велел поднять себя на трибуну, а затем явиться туда всем трибунам, центурионам, военным начальникам и когортам, по почину которых это произошло, и, наконец, стать рядом с собой сыну, принявшему звание Августа. (10) Всех виновников случившегося, кроме своего сына, он приказал казнить, и когда все, пав на землю перед трибуной, просили его о прощении, он, касаясь рукой головы, сказал: (11) «Наконец-то вы понимаете.

³ 202 г. н. э.

что управляет голова, а не ноги». Ему же принадлежит изречение по поводу того, что его, человека незнатного рода, судьба — благодаря его образованию и военным заслугам — привела, по многим ступеням, к императорской власти: «Я был всем, и все это ни к чему».

XIX. (1) Он умер в Эбораке в Британии, покорив племена, которые казались враждебными Британии. — на восемнадцатом году своего правления, от тяжелой болезни, уже стариком. (2) Он оставил своих сыновей, Антонина Бассиана и Гету, которому он в честь Марка присвоил также имя Антонина. (3) Север был похоронен в гробнице Марка Аврелия, которого он так почитал, выделяя его из прочих императоров, что и Коммода признал божественным и считал необходимым добавлять всем императорам имя Антонина, подобно тому, как добавлялся имя Августа. (4) Самого его сенат, побуждаемый к тому его детьми, которые устроили ему великолепнейшие похороны, причислил к богам. (5) Из общественных его сооружений главнейшими являются Септизоний и Северовы термы, а также его двери в Затибрском районе у ворот, носящих его имя, устарелую форму которых общественный вкус сразу же не одобрил. (6) После его смерти все высоко оценивали его — главным образом потому, что государство в течение долгого времени не видело ничего хорошего ни от его сыновей, ни после, когда многие устремились к власти и Римское государство стало добычей для грабителей. (7) Он носил очень скромную одежду; даже туника его была слегка окрашена пурпуром, а плечи он покрывал грубошерстной хламидой. (8) Он был очень умерен в еде, жаден до овощей своей родины, иногда проявлял страсть к вину, часто воздерживался от мяса. (9) Он был красив, огромного роста, носил длинную бороду, на голове имел седые курчавые волосы, лицо его внушало уважение, голос он имел звучный, но до самой старости говорил с каким-то африканским акцентом. (10) После его смерти его очень любили, потому что исчезли ненависть к нему и страх перед его жестокостью.

XX. (1) У Элия Мавра, вольноотпущенника Флегонта Адриана, я, помнится, читал о том, что Септимий Север, умирая, неуверенно радовался тому, что он оставляет государству двух Антонинов с равной властью — по примеру Ния, который оставил государству двух усыновленных им сыновей, Вера и Марка Антонина, (2) — но с тем преимуществом, что Пий дал в правители государству усыновленных, а он, Север, родных сыновей, а именно: Антонина Бассиана, родившегося от первого брака, и Гету, которого он имел от Юлии. (3) Однако он сильно ошибся в своих надеждах: одного отняло у государства братоубийство, а другого — его собственные нравы, и это святое имя ни в одном из них не сохранилось на долгое время. (4) Когда я подумаю о прошлом, Диоклетиан Август, мне становится совершенно ясным, что почти никто из великих мужей не оставил после себя ни одного прекрасного и полезного для государства сына. (5) В сущности, эти мужи либо умирали бездетными, либо — в большинстве случаев — имели таких детей, что для человечества было бы лучше, если бы они умерли без потомства.

XXI. (1) Начнем с Ромула — он совсем не оставил детей, не оставил и Нума Помпилий, — а это могло бы быть полезным для государства. Что сказать о Камилле? Разве он имел детей, подобных ему? Что сказать о Сципионе, о Катонах, которые были столь великими? (2) А что мне говорить о Гомере, Демосфене, Вергилии, Криспе и Теренции, о Плавте и прочих? Что — о Цезаре? Что — о Тулли, единственном, для которого было бы лучше не иметь детей? (3) Что — об Августе, который не имел даже хорошего усыновленного сына, хотя у него была возможность выбрать из числа всех граждан? Даже сам Траян ошибся в своем соотечественнике и племяннике, выбрав его своим приемником. (4) Но оставим в стороне усыновленных, чтобы нас не опровергали Антонины. Пий и Марк — эти божества государства; перейдем к родным сыновьям. (5) Что могло быть счастливее Марка, если бы он не оставил наследником Коммода? (6) Что — счастливее Септимия Севера, если бы он не имел сына — Бассиана, который тотчас же ложно обвинил брата в кознях против него и — на основании этой братоубийственной выдумки — лишил его жизни; который свою мачеху — (7), да что и говорю, — мачеху, конечно, мать, на груди которой он убил ее сына Гету, — взял себе в жены; (8) который убил Папиниана, убежище права и сокровищницу правовой науки, — за то, что

тот не хотел оправдать братоубийство. Притом Папиниан был даже префектом, так что у человека, великого своими личными качествами и знаниями, было вдобавок и высокое положение. (9) Наконец, оставляя в стороне все прочее, я считаю правы Бассиана причиной того, что Север,— человек, во всех случаях проявлявший суровость, даже более того — жестокость, стал считаться праведным и достойным алтарей, как боги. (10) Говорят, что Север, тяжело больной, послал своему старшему сыну замечательную речь из Саллюстия, в которой Миддипса убеждает своих сыновей жить в мире. Но тщетно. И ... человека только здоровьем. (11) В сущности, Антонин долго был ненавистен народу, и это чтимое имя стало менее любимым, хотя и он роздал народу одежды, из-за которых он был прозван Каракаллом, и построил великолепные термы. (12) В Риме существует портик Севера, где изображены деяния последнего, — выстроенный, как передает большинство, его сыном.

XXII. (1) Предзнаменования его смерти были следующие. Сам он видел во сне, что его похитили на небо четыреорла, запряженные в колесницу, украшенную драгоценными камнями, причем впереди летела какая-то огромная человеческая фигура. Во время похищения он успел посчитать до восьмидесяти девяти — сверх этого числа лет он не прошел ни одного года, ведь и к власти он пришел стариком. (2) Когда же его поставили на огромный воздушный круг, он долго стоял там один, покинутый; он начал бояться, что упадет вниз, но увидел, что его зовет Юпитер, который и поместил его между Антонинами. (3) В день цирковых игр, когда, по обычаю, были поставлены три гипсовые статуи Победы с пальмовыми ветвями, — средняя, державшая шар, на котором было написано его имя, была снесена с возвышения порывом ветра и упала стоймя на землю; та, на которой было написано имя Геты, рухнула и совсем разбилась; та же, которая имела на себе надпись с именем Бассиана, едва устояла, потеряв в вихре ветра свою пальмовую ветвь. (4) В Британии, возвращаясь после осмотра стены у вала, он — после победы и заключения вечного мира — подъезжал к ближайшей остановке и задумался о том, какое знамение он встретит; какой-то эфиоп, принадлежавший к одному воинскому подразделению, пользовавшийся громкой славой среди шутников и чьи шутки всегда имели успех, вышел навстречу ему, надев венок из кипариса. (5) Когда Север, пораженный знаменем, которое заключалось как в цвете его тела, так и в венке, в гнев приказал убрать его с глаз долой, этот воин, говорят, сказал ему в виде шутки: «Ты все поверг, ты все победил; будь же теперь богом, победитель». (6) Когда, возвращаясь в город, Север пожелал совершить жертвоприношение, то, по ошибке деревенского гарусника, его прежде всего привели к храму Беллоны, а затем сюда были приведены черные жертвенные животные. (7) Когда он, отвергнув их, стал удаляться по направлению к дворцу, то, по недосмотру служителей, черные жертвенные животные последовали за императором до самого порога дворцового здания.

XXIII. (1) В очень многих городах находятся замечательные его сооружения, но великим проявлением его порядочности было то, что он восстановил в Риме все общественные здания, которые стали разрушаться от времени, — почти нигде не выставляя своего имени, сохраняя повсюду надписи их создателей. (2) Умирая, он оставил запас хлеба на семь лет, так что ежедневно можно было расходовать по семидесяти пяти тысяч модиев; масла же он оставил столько, что в течение пятилетия его хватило на нужды не только Рима, но и всей Италии, в которой масла недостаточно. (3) Говорят, последние слова его были следующие: «Я принял государство, со всех сторон раздираемое восстаниями, а оставляю умиротворенным даже в Британии. Старый, с большими ногами, я оставляю моим Антонинам крепкую власть, если они сами окажутся хорошими, но бессильную, если они будут дурными». (4) Затем он велел дать трибуну пароль: «Будем трудиться», тогда как Пертинакс, призванный к власти, дал пароль: «Будем воинами». (5) Затем он решил сделать второй экземпляр статуи царственной Фортуны, которая обычно сопровождала государей и ставилась у них в спальнях, чтобы оставить это священнейшее изображение каждому из своих сыновей; (6) однако, увидя, что час его смерти очень быстро приближается, он, говорят, приказал поставить статую Фортуны поочередно, через день в спальни его сыновей — императоров. (7) Это приказание Бассиан отменил еще раньше, чем совершил братоубийство.

XXIV. (1) Тело Севера было перевезено из Британии в Рим, и провинциалы оказывали ему на пути великие почести; (2) впрочем, некоторые говорят, что в Рим была привезена только небольшая урна, содержавшая останки Севера, и что она была помещена в гробнице Антониннов, так как Септимиий был сожжен там, где он скончался. (3) Когда он строил Септizonий, он думал только о том, чтобы его сооружение бросалось в глаза тем, кто прибывает из Африки. (4) Если бы — в его отсутствие — префект Рима не поместил в середине его изображение, — он, как говорят, хотел сделать с этой стороны вход в здание Палатинского дворца, то есть в царский атриум. (5) Когда впоследствии Александр пожелал сделать это, то встретил сопротивление со стороны гаруспиков, так как, спросив об этом, он не получил благоприятного ответа.

XI. Элий Спартиан

ПЕСЦЕННИЙ НИГЕР

I. (1) Редко и неохотно описываются в благоприятном свете деяния тех, кого победа их противников сделала тиранами. Поэтому далеко не все сведения о них имеются полностью в письменных памятниках и анналах. (2) Ведь прежде всего писатели искажают те важные деяния, которые делают им честь; затем — о некоторых умалчивают; наконец, никто не станет требовать большой тщательности в исследовании их происхождения и жизненного пути, так как считается достаточным рассказать об их смелости, о войне, в которой они были побеждены, и о понесенной ими каре. (3) Итак, Песценний Нигер, по словам одних, происходил от родителей, не занимавших высокого положения, а по словам других — от знатных родителей. Отцом его был Анний Фуск, матерью — Лампродия, дедом — попечитель Аквина; такова была семья, из которой он происходил, но и это теперь подвергается сомнению. (4) Образование он получил посредственное, отличался свирепым нравом, несметными богатствами, был бережлив в домашнем быту, необузданно предавался всяким страстям. (5) В течение долгого времени он был центурионом и — через ряд командных постов — дошел до того, что, по приказанию Коммода, был поставлен во главе сирийских войск, главным образом — по ходатайству того атлета, который впоследствии задушил Коммода, — так тогда делалось.

II. (1) Узнав, что Коммод убит, что Юлиан провозглашен императором и тоже убит по приказу Севера и сената, что Альбин в Галлии также принял звание императора, Песценний позволял сирийским войскам, которыми он командовал, провозгласить императором и себя, — скорее из ненависти к Юлиану, нежели из желания соперничать с Севером. (2) Вследствие отвращения к Юлиану еще с первых дней его правления в Риме проявлялось, по крайней мере со стороны сенаторов, которые ненавидели и Севера, такое расположение к Нигру, что среди побиваний камнями и всеобщих проклятий высказывались пожелания счастья, и народ кричал: «Да сохранят боги его государем, да сохранят его Августом!». (3) Простые граждане ненавидели Юлиана за то, что убили Пертинакса и провозгласили Юлиана воином вопреки желанию народа. В сущности, из-за этого провозгласили крупнейшие распри. (4) Юлиан послал старшего центуриона, чтобы убить Нигра; это было неумно — подсылать убийцу к тому, в чьих руках было войско и кто мог охранять себя, как будто любой император может быть убит старшим центурионом. (5) Столь же безумно было и то, что Северу, который был уже императором, Юлиан послал преемника. (6) Наконец, он послал еще центуриона Аквиллия, известного убийством вождей, как будто столь великий император может быть убит центурионом. (7) Таким же безрассудством было и то, что он, как говорят, возбудил против Севера судебное дело по поводу императорской власти — на основании интердикта¹, чтобы казалось, что он по праву стал государем раньше Севера.

¹ Имеется в виду «интердикт» как особый административный акт претора, направленный к защите фактического владельца собственности от посягательства на нее со стороны других лиц. Безрассудство Юлиана состояло в том, что он рассчитывал в споре за власть опереться на акт, имевший силу только в области частных правовых отношений.

III. (1) Мнение народа о Песценнии Нигре ясно обнаружилось при следующем случае. Юлиан давал в Риме цирковые игры, и сидения в большом цирке оказались занятыми как попало. Народ был чрезвычайно раздражен этой огромной обидой, все единодушно стали кричать, что надо вызвать Песценния Нигра для охраны города — из ненависти, как мы сказали выше, к Юлиану и из любви к убитому Пертинаксу. (2) При этом Юлиан, говорят, сказал, что ни ему, ни Песценнию не придется быть долго императором, что это суждено Северу, которого скорее должны были ненавидеть и сенаторы, и воины, и провинциалы, и прочие граждане. Все это впоследствии подтвердилось. (3) В то время как Север управлял Лугдунской провинцией, Песценний был с ним в самых дружеских отношениях; (4) ведь Нигер был послан для поимки дезертиров, которых тогда было очень много в Галлиях, где они производили грабежи. (5) Прекрасным выполнением этого поручения он доставил большое удовольствие Северу, так что Септимий сообщал Коммоду о нем, как о человеке, необходимом для государства. И действительно, в военных делах он проявлял большую энергию. (6) Никогда воин, находившийся под его начальством, не вымогал у провинциала ни дров, ни масла и не требовал услуг. (7) В бытность военным трибуном сам он ничего не брал для себя у воинов и не позволял что-либо у них брать. (8) Будучи уже императором, он приказал отрядам вспомогательных войск побить камнями двух трибунов, которые, как было установлено, получили взятку. (9) Имеется письмо Севера, в котором он пишет Рагонию Цельзу, управлявшему Галлиями: «Достойно сожаления, что мы не можем подражать в военной дисциплине тому, кого мы победили на войне: (10) твои воины бродяжничают, трибуны среди дня моются, вместо столовых у них — трактиры, вместо спален — блудиллица; пляшут, пьют, поют, мерой для пиров они называют пить без меры. (11) Могло ли бы это быть, если бы в нас была хоть одна жилка дисциплины наших предков? Итак, исправь прежде трибунов, а потом уже и воинов. Пока он будет тебя бояться, ты будешь держать его в руках. (12) Но узнай, хотя бы на примере Нигра, что воин не может чувствовать страх, если военные трибуны и начальники сами не будут неподкупными».

IV. (1) Вот что писал о Песценнии Север Август. О нем же, когда он был еще простым воином, Марк Антонин — Корнелию Бальбу: «Ты хвалишь мне Песценния, и с этим согласишься; ведь и твой предшественник говорил, что Песценний деятельен, ведет строгий образ жизни и уже тогда был выше, чем обыкновенный воин. (2) Поэтому я отправил письмо, которое должно быть прочитано перед строем; в нем я отдал приказ поставить Песценния во главе трехсот армян, ста сарматов и тысячи наших бойцов. (3) Твое дело объяснить, что этот человек непроисками, — что не соответствует нашим нравам, — но доблестью дошел до такого положения, которое дед мой Адриан и прадед Траян предоставляли только самым испытанным людям». (4) О нем же — Коммод: «Я знаю Песценния как храброго человека; я дал ему уже два трибунства и скоро назначу военным начальником, когда Элий Кордуен по старости лет откажется от службы». Таково было общее мнение о нем. (5) И сам Север часто говорил, что он простит Песценния, если только тот не будет упорствовать. (6) Наконец, Коммод объявил Песценния консулом и поставил его над Севером; последний был раздражен этим, так как, по его словам, Нигер удостоился консульства вследствие рекомендации старших центуронов. (7) В своем жизнеописании Север говорит, что во время своей болезни он имел намерение, если бы с ним случилось что-либо до достижения его сыновьями того возраста, когда они будут способны стать императорами, — передать власть Нигру Песценнию и Клодию Альбину, которые впоследствии оба оказались самыми грозными врагами Севера. (8) Отсюда ясно, какого мнения был и Север о Песценнии.

V. (1) Если верить Северу, Нигер жаждал славы, был двуличен в жизни, отличался постыдными нравами и уже в пожилом возрасте покушался захватить императорскую власть (потому он и обвиняет его в служении страстям), как будто сам Север пришел к власти в более молодом возрасте: он преуменьшает свои годы — ведь он пробыл императором восемнадцать лет и умер на восемьдесят девятом году жизни. (2) Север послал Гераклита для занятия Вифинии, а Фульвия — для захвата взрослых сыновей Нигра. (3) Однако в сенате Север ничего не сказал о Нигре, хотя он уже слышал о провозгла-

шении его императором и хотя сам он отправлялся только для того, чтобы привести в порядок дела на Востоке. (4) Отправляясь, он принял меры к посылке легионов в Африку, чтобы Песценний не занял ее и не морил голодом римский народ. (5) Он, казалось, мог это сделать через соседние с Африкой Ливию и Египет, хотя и по трудному сухопутному и морскому пути. (6) В то время как Север шел на Восток, Песценний уже владел Грецией, Фракией и Македонией, лишив жизни многих славных людей, и приглашал Севера разделить с ним власть. (7) Из-за тех, кого он убил, Север объявил его, а вместе с ним и Эмилиана, врагами. Затем его войска под начальством Эмилиана были побеждены полководцами Севера. (8) Хотя Север предлагал ему безопасное изгнание, если он сложит оружие, он, продолжая упорствовать, сразился вторично, был побежден и под Кизиком, во время бегства, ранец у болота; в таком состоянии он был доставлен к Северу и тотчас же умер.

VI. (1) Голова его, которую носили на копье, была послана в Рим, сыновья убиты, жена умерщвлена, имущество конфисковано, весь род истреблен. (2) Все это, однако, совершилось после того, как стало известно о восстании Альбина, первоначально же Север отправил в изгнание и сыновей Нигра и их мать. (3) Но он ожесточился от второй, вернее — уже от третьей гражданской войны и стал много суровее. (4) Тогда же Север и казнил неисчислимое количество сенаторов и получил от одних прозвание пунического Суллы, а от других — Мария. (5) Песценний отличался полнотой, обладал красивой наружностью, волосы изящно зачесывал назад. Голос у него был хриплый, но громкий настолько, что, когда он говорил на поле, его можно было слышать за милью, если этому не мешал ветер. Лицо у него было внушавшее уважение и всегда багровое, шея — до того черная, что, по словам очень многих, из-за этого он и получил прозвание «Нигер». (6) Все прочее тело было белое и скорее тучное. Он был жаден до вина, умерен в еде, а любовные утеху принавал единственно только для рождения детей. (7) С общего согласия он принял на себя в Галлии совершение неких священнодействий, которые поручаются обычно самым непорочным людям. (8) Еще и теперь на мозаичной картине в изогнутом портике в садах Коммода мы видим изображение Песценния, в то время как он носит священные предметы Изиды среди самых близких друзей Коммода. (9) Коммод был настолько предан обрядам Изиды, что и голову брил, и Анубиса носил, и участвовал во всех ритуальных остановах. (10) Итак, Нигер был превосходным воином, необыкновенным трибуном, исключительным военным начальником, весьма строгим легатом, замечательным консулом, человеком выдающимся в своей домашней и общественной жизни, но несчастливым императором. В сущности, он под властью Севера, человека мрачного, мог бы быть полезным для государства, если бы только захотел стать на его сторону.

VII. (1) Но он был введен в заблуждение дурными советами Аврелиана, который, помолвив своих дочерей за его сыновей, заставил его упорно домогаться императорской власти. (2) Авторитет Нигра был настолько велик, что, видя, как страдает провинция от слишком быстрой смены администраторов, он написал сначала Марку, а затем Коммоду, советуя им не сменять ни одного заместника провинции — легата или проконсула — раньше пяти лет, так как им приходится слагать свою власть прежде, чем они научатся управлять. (3) Затем он подал еще мысль назначать администраторами помощников — именно в той отрасли, где они были помощниками, чтобы не привлекать к управлению государством новичков; исключение он сделал для военных управлений. (4) Этого правила впоследствии держался и Север, и многие его преемники, как это доказывают назначения на должность префекта Павла и Ульпиана, которые были членами совета у Папиниана, а впоследствии, побывав один — в должности обслуживающего память, а другой — докладчика по прошениям, были назначены префектами. (5) Он же предложил не назначать никого ни помощником правителя, ни администратором в его родной провинции, за исключением римлянина, то есть уроженца Рима, — в Риме. (6) Кроме того, он определил содержание советникам, чтобы они не обременяли тех, чьими помощниками они были, при этом он говорил, что судья не должен ни давать, ни получать. (7) Он держал воинов в большой строгости; когда пограничные войны в Египте стали требовать у него вина, он ответил: «У вас есть Нил, а вы

просите вина» — и действительно, вода в этой реке настолько вкусна, что местные жители не потребляют вина. (8) Когда воины, побежденные сарацинами, стали волноваться и говорили: «Мы не получаем вина, мы не можем сражаться», — он сказал им: «Стыдитесь, — те, кто побеждают вас, пьют воду». (9) Когда жители Палестины просили облегчить их налоговое бремя на том основании, что оно было слишком тяжелым, он ответил: «Вы хотите облегчить налоговое бремя, лежащее на ваших землях, а я хотел бы обложить еще и ваш воздух».

VIII. (1) Прорицатель дельфийского Аполлона, спрошенный во время величайших волнений в государстве, когда стало известно, что имеются три императора — Септимий Север, Песценний Нигер и Клодий Альбин, — кому из них лучше всего управлять государством, говорят, изрек такой греческий стих:

«Лучший, кто смугл, африканец хорош, наихудший же белый»². (2) Это было понято так, что в этом прорицании смуглым назван Нигер, Север — африканцем, а белым — Альбин. (3) Любопытство побудило задать и другой вопрос: кто завладеет государством. На это он ответил следующими стихами:

«Черного кровь существа и белого также прольется,
Власть над миром возьмет пришлец из пунийского града»³.

(4) Также, когда был задан вопрос, кто ему наследует, он, говорят, ответил тоже греческим стихом:

«Тот, кому боги дадут Пия прозвание иметь».

(5) Это вообще не было понято до тех пор, пока Бассиан не принял имя Автонияна — в этом и заключался подлинный смысл слова «Пий». (6) Также, когда спросили, сколько времени он будет императором, последовал ответ по-гречески:

«На двадцати кораблях он пройдет Итальянское море,
Если только корабль море преседет один»⁴.

Отсюда поняли, что Север пробудет императором двадцать лет.

IX. (1) Вот, величайший из Августов Диоклетян, все, что я узнал о Песценнии из многих книг. Ведь, как мы сказали в начале этой книги, люди неохотно вносят в свои книги жизнеописания тех, которые либо не были в государстве государями, либо не были сенатом провозглашены императорами, либо были очень скоро убиты, не успев стать предметом молвы. (2) Вот почему не пользуется известностью Виндекс, почему ничего не известно о Пизоне и обо всех тех, которые были только усыновлены или военными провозглашены императорами, как, например, при Домициане Антоний, или скоро были убиты, так что жизнь их была пресечена одновременно с попыткой захватить власть. (3) Теперь же, по порядку, мне надо рассказать о Клодии Альбине, который считается как бы союзником Нигра, так как они вместе восстали против Севера и были им побеждены и убиты. (4) О нем, однако, не имеется достаточно ясных сведений, так как судьба его была такая же, как и судьба Песценния, хотя жизнь далеко не одинаковая. (5) Но чтобы не казалось, что я пропустил что-либо, относящееся к Песценнию, хотя желающие могут узнать об этом из других книг, я прибавлю, что прорицатели сказали о нем Септимию Северу, что он не попадет в руки Севера ни живой, ни мертвый, но ему суждено погибнуть у воды. (6) Некоторые говорят, что это предсказал сам Север на основании астрологии, в которой он был очень сведущ. Эти ответы оказались правильными, так как Песценний был найден полумертвым у болота.

X. (1) Песценний отличался такой строгостью, что, увидав во время похода, как какие-то воины пьют из серебряного кубка, приказал изъять из употребления на

² В биографиях XI и XII перевод стихов сделан А. И. Доватуром.

³ Подражание Вергилию (Эн., I, 340).

⁴ Подражание Вергилию (Эн., I, 381).

время похода всякое серебро, добавив, что следует пользоваться деревянными сосудами. Это вызвало со стороны воинов озлобление против него. (2) Он говорил, что военный багаж может попасть в руки врагов; не надо давать возможность варварским народам чрезмерно хвастаться нашим серебром — другие воины давали врагам меньше повода хвастаться. (3) Он же приказал, чтобы во время похода никто не пил вина, чтобы все довольствовались винным уксусом. (4) Он запретил во время похода следовать за войском пекарям и велел воинам и всем прочим довольствоваться солдатскими сухарями. (5) За похищение одного петуха он приказал отрубить голову десятерым воинам одного манипула, которые ели вместе этого петуха, похищенного одним, и он привел бы этот приказ в исполнение, если бы не просьба всего войска, которое угрожало чуть ли не мятежом. (6) Поощрив осужденных, он приказал, чтобы те десятеро, которые ели краденого петуха, заплатили за петуха провинциалу в десятикратном размере. Сверх того, он дал приказ, чтобы в течение всего этого похода никто из воинов этого манипула не разводил огня, никогда не ел свежесваренной пищи, питался бы хлебом и холодной едой, и назначил наблюдателей за выполнением этого приказа. (7) Он же приказал, чтобы воины, отправляясь на войну, не носили в поясах золотых и серебряных денег, но сдавали их в казну, — с тем чтобы после битв получить обратно то, что они сдали; при этом он добавил, что деньги эти будут выданы сполна их наследникам, детям и женам, кому полагается это наследство, — для того, чтобы в случае, если судьба пошлет какую-нибудь неудачу, ничего не перешло к врагам в виде добычи. (8) Но все это послужило ему во вред: до того дошла распущенность во времена Коммода. (9) Словом, хотя в его время не было никого, кто казался бы более строгим полководцем, однако это повело скорее к его гибели... после его смерти, когда исчезли и зависть, и ненависть к нему, такие примеры получили большое значение.

XI. (1) Во всех походах он на виду у всех принимал солдатскую пищу и никогда не стремился прятаться под крышей от солнца или от дождей, если такой возможности не было у воинов. (2) Наконец, на войне он отсчитывал на свою долю, на долю своих слуг и ближайших товарищей столько, сколько несли воины, нагружая — после объявления воинам подсчитанного количества — своих рабов продовольствием, чтобы они не шли налегке, а воины — нагруженными и чтобы войско, глядя на это, не испытывало огорчения. (3) Он поглядел на сходке, что как в прошлых походах, так и в будущих он вел и будет вести себя не иначе, чем простой воин, имея перед своими глазами пример Мариа и подобных ему полководцев. (4) У него только и было разговору, что о Ганнибале и других таких же полководцах. (5) Когда он стал императором и кто-то захотел прочитать панегирик в его честь, Песценний сказал ему: «Напиши хвалебную речь в честь Мариа, Ганнибала или любого превосходного полководца, который уже умер, и скажи, что он совершил, чтобы мы могли подражать ему. (6) Ведь восхвалять живых — сущее издевательство, особенно — восхвалять императоров, от которых чего-то ожидают, которых боятся, которые своим покровительством могут помочь карьере, которые могут убить, могут конфисковать имущество». О себе он говорил, что он хочет, чтобы при жизни его любили, а после смерти — восхваляли.

XII. (1) Из государей он любил Августа, Веспасиана, Тита, Траяна, Пия, Марка, остальных же называл соломенными чучелами или ядовитыми змеями; из древней истории он больше всего любил Мариа, Камилла, Квинкция и Марция Корнелия. (2) На вопрос о том, что он думает о Сципионах, он, говорят, сказал, что они были скорее счастливыми, чем храбрыми; это доказывает их домашняя жизнь и годы их молодости, которые были у того и у другого, когда они жили дома, не очень блестящими. (3) Все убеждены в том, что Нигер, если бы он завладел властью, исправил бы все то, что не мог или не хотел поправить Север, — и при этом без применения жестокости, а, наоборот, с мягкостью, но мягкостью военной, не дряблой, неленой и смешной. (4) Дом его и сейчас еще можно видеть в Риме на Юпитеровом поле; он называется Песценниевым, и в нем, в комнате с тремя отделениями, было поставлено через год изображение из фиваидского мрамора, представляющее собой его портрет, которое он получил от царя фивейцев. (5) Имеется и греческая эпиграмма, которая по-латыни дает такой смысл:

(6) Нигер перед вами стоит, Египта воинов ужас,
 Фивам союзник, — хотел век он вернуть золотой.
 Любят его и цари, и Рим золотой, и народы,
 Он Антонинам и всей Римской империи мил.
 Нигер имя ему, и черным он нами пзваяя,
 Облик его чтобы был, глыба, в согласьи с тобой.

(7) Эти стихи Север не пожелал стереть, хотя его уговаривали сделать это и префекты, и начальники дворцовых ведомств. Он говорил по этому поводу: (8) «Если он был таким, то пусть все знают, какого мужа мы победили; если же он таким не был, то пусть все думают, что мы победили именно такого. Нет, пусть будет так, ибо он действительно был таким».

ХII. Юлий Капитолин

КЛОДИЙ АЛЬБИН

I. (1) После смерти Пертинакса, который был убит по подстрекательству Альбина, были одновременно провозглашены императорами: Юлиан — сенатом в Риме, Септимий Север — войском в Сирии, Песценний Нигер на Востоке, Клодий Альбин — в Галлии. (2) О Клодии Геродиан говорит, что он был Цезарем у Севера, но так как каждый из них считал другого недостойным быть императором и так как ни галлы, ни германские войска не могли этого потерпеть, — ведь и сами они имели своего особого государя, то все со всех сторон пришло в замешательство. (3) Клодий Альбин происходил из знатной фамилии, но родом был из африканского Гадрумета. (4) Поэтому то предсказание оракула, о котором мы говорили в жизнеописании Песценния, — где воздавалась хвала Северу, он относил к себе, не желая понимать слов «наихудший же белый», которые содержались в том стихе, где было прославление Севера и одобрение Нигру Песценнию. (5) Но прежде чем говорить о его жизни и смерти, надо сказать также и об обстоятельствах, выдвинувших его.

II. (1) Некогда Коммод, смещая Альбина, написал ему письмо, в котором приказывал ему быть Цезарем. Я даю его копию: (2) «Император Коммод Клодию Альбину. В тот раз я официально написал о твоём преемнике и о твоём почетном звании; а это письмо — дружеское и частное, написанное, как ты видишь, моей собственной рукой, я посылаю тебе, чтобы дать возможность, в случае надобности, выступить перед воинами и принять имя Цезаря. (3) До меня доходят слухи, что и Септимий Север и Ноний Мурк дурно отзываются обо мне перед воинами, чтобы этим подготовить себе путь к занятию императорского положения. (4) Кроме того, поступив таким образом, ты будешь иметь полную возможность выдать каждому жалованье — до трех золотых, так как я и по этому поводу отправляю письмо моим прокураторам; ты сам получаешь его, на нем печать с изображением амазонки. Когда нужно будет, ты покажешь его счетным чиновникам, чтобы они не ослушались тебя, когда ты пожелаешь затребовать деньги из государственного казначейства. (5) Для того чтобы у тебя были какие-нибудь знаки императорского величия, ты отныне будешь иметь право носить греческий плащ алого цвета даже в моем присутствии и на приеме у меня, и находясь со мною; ты будешь также иметь порфиру, но без золота, так как и прадед мой Вер, умерший в юном возрасте, получил такое право от Адриана, который усыновил его».

III. (1) Получив это письмо, Альбин не пожелал исполнять приказание, понимая, что рано или поздно Коммод — из-за своих нравов, которыми он губил государство и обесславил себя, — будет убит, и боясь, как бы вместе с ним не пришлось бы погибнуть и ему самому. (2) До сих пор сохранилась его речь, произнесенная на солдатской сходке, когда он принял императорскую власть (причем, по словам некоторых, она была закреплена за ним волей Севера), — где он упоминает об этом обстоятельстве. (3) Вот ее копия: «Что я, соратники, против своей воли был вынужден стать императором — доказывается тем, что я отверг пожалованное мне Коммодом звание Цезаря. Но теперь мне следует подчиниться вашей воле и воле Севера Августа, так как я убежден, что под

властью превосходного человека и храброго мужа государство может хорошо управляться». (4) Нельзя отрицать и того, о чем упоминает Марий Максим, а именно: что у Севера было сначала намерение — если с ним что-нибудь случится, назначить своими преемниками Песценния Нигра и Клодия Альбина. (5) Однако потом, заботясь о своих подраставших сыновьях и завидуя любому, которого любил, он переменил свое намерение и сломил их обоих с помощью военной силы, главным образом — под влиянием просьб своей жены. (6) Наконец, Север наметил его в консулы: ведь он, с такой тщательностью выбиравший должностных лиц, во всяком случае не сделал бы этого для человека, который не обладал бы превосходными качествами.

IV. (1) Но чтобы возвратиться к Альбину, — происходил он, как я сказал, из Гадрумета, принадлежал к знати своего города; род его шел от римских фамилий Постумиев, Альбиниов и Цейониев. (2) И теперь еще, величайший Константин, эта последняя фамилия является очень знатной: она возвеличена и будет возвеличена тобою, а значение ее возросло больше всего благодаря Галлиеву и Гордианам. (3) Альбин, однако, родился в скромном доме от безупречных родителей, которые оставили ему небольшое состояние. Отцом его был Цейоний Постум, матерью — Аврелия Мессалина; он был у них первенцем. (4) При своем появлении на свет он — в противоположность всем младенцам, которые при рождении обычно бывают красными, — оказался очень белым и поэтому был назван Альбином. (5) Что это правда — доказывает письмо его отца Элию Бассиану, бывшему тогда проконсулом Африки, по-видимому, их родственнику. (6) Письмо Цейония Постумия Элию Бассиану: «За шесть дней до декабрьских календ у меня родился сын; все тело его сразу же оказалось таким белым, что оно превосходило белизной то полотенце, на котором он был воспринят. (7) Поэтому, приняв его на руки, я отдал его фамилии Альбиниов, которая одинаково родственна мне и тебе, и дал ему имя Альбина. Люби, как ты это и делаешь, государство, самого себя и нас».

V. (1) Итак, свое детство он провел в Африке. (2) Познания его в греческой и латинской литературе были посредственными, так как он уже тогда, говорят, отличался воинственным и гордым духом. Передают, что в школе, среди мальчиков, он часто пел стихи:

«Взял я оружие, безумный, но мало в оружии толку»¹,

повторяя: «Взял я оружие, безумный». (3) При его рождении, говорят, было много предзнаменований, указывавших на то, что он будет императором. Родился белый бык, но с рогами совершенно пурпурного цвета, так что все удивлялись и рогам, и окраске быка. (4) В бытность свою трибуном Альбин, говорят, положил эти рога в храм Аполлона в Кумах, и они там долго находились. Когда, вопрошая о своей судьбе, он тянул жребий, ответ, говорят, был дан ему следующими стихами:

«Он-то римскую власть, потрясенную смутой великой,
Утвердит, на коне разобьет он пунол и галлов»².

(5) Известно, что и в Галлии он укротил много племен. Что касается слов «разобьет он пунол», то сам Альбин подозревал, что это предсказание имеет в виду Севера, так как Септимий был африканцем. Было и другое предзнаменование ожидавшей его императорской власти. (6) Дело в том, что в фамилии Цезарей был свой особенный обычай — купать малышей из этого дома в корытах из черепаховой кости. Когда родился младенец Альбин, рыбак принес в подарок его отцу огромную черепаху. (7) Получив такое знамение, он, как человек образованный, охотно принял эту черепаху, велел позаботиться о ней и предназначить ее для купаний младенца в теплой воде, надеясь, что это будет способствовать будущей его славе. (8) Хотя в тех местах, где родился Альбин, редко можно видеть орлов, — в седьмой день его жизни, в час пира, который устраивался в честь ребенка, когда ему давались имена, были принесены из гнезда семеро ма-

¹ Вергилий, Эн., II, 314.

² Вергилий, Эн., 857—858.

леньких орлят и — словно в шутку — поставлены вокруг колыбели мальчика. Отец не отверг и этого знаменья: он велел кормить орлов и тщательно о них заботиться. (9) К этому присоединилось еще одно знамение: в этой семье был обычай пеленать детей в розовые пеленки; те, которые были приготовлены матерью перед родами, случайно оказались еще мокрыми после стирки, и его завернули в пурпурную повязку матери, почему кормилица и дала ему в шутку имя Порфирия. (10) Было много и других предзнаменований ожидавшей его императорской власти. Тот, кто желает знать их все, пусть читает Элия Корда, который подробно рассказывает всякие пустяки по поводу такого рода знамений.

VI. (1) Достигнув юношеского возраста, он сразу же посвятил себя военной службе. Благодаря своим родственникам Лоллию Серену, Бебию Мециану и Цейонию Постумиану он стал известен Автонинам. (2) В звании трибуна он командовал далматскими всадниками. Командовал он также четвертым и первым легионом. Во время восстания Авидия он удержал в повиновении вифинские войска. (3) Затем, переведенный Коммодом в Галлию, он разбил зарейские племена и прославил свое имя как у римлян, так и у варваров. (4) Восхищенный этими успехами, Коммод предложил ему звание Цезаря, право выдавать жалование воинам и носить греческий плащ алого цвета. (5) От всего этого он благоразумно отказался, говоря, что Коммод ищет людей, которые могли бы погибнуть с ним или которых он сам мог бы убить, имея на то достаточное основание. (6) Ему было разрешено пропустить должность квестора. Получив такую милость, он пробыл эдилом не больше десяти дней и спешно был послан к войску. (7) Затем он исполнил должность претора; это преторство было самым замечательным в правлении Коммода, так как во время его игр Коммод устроил, как передают, сражение и на форуме, и в театре. (8) Консулом его объявил Север — в то время, когда он готовился назначить Альбина вместе с Песценнием своим преемником.

VII. (1) Он достиг императорской власти уже в преклонных годах, — был он старше Песценния Нигра, как говорит в своем жизнеописании сам Север. (2) После победы над Песценнием Север, желая сохранить власть для своих детей и видя, что сенат относится с необыкновенной любовью к Клодию Альбину как человеку древнего рода, он отправил Альбину через некоторых лиц наполненное уверениями в величайшей приязни и величайшем расположении письмо, в котором убеждал его, раз Песценний Нигер убит, согласиться совместно с ним — на основе доверия — править государством. Корд приводит копию этого письма в таком виде: (3) «Император Север Август Клодию Альбину Цезарю, любимейшему и жеманнейшему брату, привет. (4) Победив Песценния, я отправил в Рим письмо, которое сенат, горячо любящий тебя, принял с удовольствием. Я прошу тебя править государством с той же любовью, какую я чувствую к тебе, дорогой брат души моей, мой брат по управлению империей. (5) Бассиан и Гета шлют тебе привет. Наша Юлия шлет привет тебе и сестре. Твоему маленькому сыну Песценнию Принку мы пошлем подарки, достойные его и твоего положения. (6) Прошу тебя, удерживай в своих руках войско ради государства и нас, часть души моей, мой дражайший, мой любимейший».

VIII. (1) Передав это письмо самым верным людям из своей свиты, он поручил им вручать письмо на виду у всех, а потом сказать, что они хотят переговорить наедине о многом — по поводу военных дел, лагерных тайн и верности придворных; когда же они придут в уединенное место, как бы для того, чтобы передать поручение, пятеро самых сильных должны убить Альбина короткими мечами, спрятанными под одеждой. (2) Они не обманули его доверия. Прибыв к Альбину и передав ему письмо, они, после того, как письмо было прочтено, сказали, что им надо кое о чем переговорить совершенно секретно, и потребовали, чтобы было назначено место, где не было бы свидетелей, причем наставляли на том, чтобы вообще никто не шел вместе с Альбином в очень отдаленный портик — под тем предлогом, что содержание письма не должно быть разглашено. Альбин, однако же, разгадал их коварный замысел. (3) Под влиянием своих подзвонений он велел пытать посланных. Сначала они упорно отпирались, но потом, уступая принуждению, признались в том, что поручил им сделать Север. (4) После того как замысел Севера был разглашен и козни его обнаружены, Альбин понял очевидность

того, что он только подозревал, и, собрав огромное войско, двинулся против Севера и его полководцев.

IX. (1) В первом столкновении с полководцами Севера он оказался победителем, но затем Север, добившись от сената объявления Альбина врагом, сам отправился против него и весьма упорно и храбро сражался с ним в Галлии с переменным счастьем. (2) Наконец, он в тревоге обратился к авгурам и получил, как говорит Марий Максим, такой ответ, что Альбин, правда, попадет в его руки, но не живым и не мертвым, что и сбылось. (3) В последнем сражении, когда бесчисленное количество его воинов было убито, большинство бежало, а многие и сдались, сам Альбин обратился в бегство и, по словам многих, сам поразил себя, а по словам других — его поразил мечом его собственный раб; к Северу он был доставлен полумертвым, и таким образом исполнилось раннее данное предсказание. (4) Многие, кроме того, говорят, что он был убит воинами, которые, убивая его, думали снискать этим милость Севера. (5) Некоторые говорят, что у Альбина был один сын; Марий Максим говорит — двое. Сначала Север пощадил их, а потом велел убить их вместе с их матерью и бросить в проточную воду. (6) Его отрубленную голову Север велел носить на копье, а потом отослать ее в Рим с письмом сенату, в котором он издевался над сенаторами по поводу того, что они до такой степени любили Альбина, что осыпали необыкновенными почестями его родственников и особенно его брата. (7) Говорят, что труп Альбина лежал перед палаткой командующего Севера очень много дней, пока не разложился, и, истерзанный собаками, был брошен в проточную воду.

X. (1) О нравах его рассказывают разное, и сам Север говорит подробно — для того, чтобы назвать его мерзким, лукавым, бесчестным, недостойным, алчным, расточительным. (2) Но это он говорил во время войны или после войны, когда ему вообще нельзя было верить, так как он говорил о враге, тогда как раньше и сам он часто посылал ему письма как самому близкому другу, и другие высказывали об Альбине хорошее мнение. (3) Сам Север хотел назвать его своим Цезарем и, думая о своем преемнике, в первую очередь имел в виду его. (4) Имеются также письма Марка Антонина об Альбине, заключающие в себе свидетельство о его доблестях и добрых нравах. (5) Не будет неуместным поместить здесь одно из них, написанное по поводу него префектам: (6) «Марк Аврелий Антонин своим префектам привет. (7) Альбину из рода Цейоншев, хотя и африканцу по рождению, но в очень малой степени унаследовавшему нравы этой страны, зятю Плавтилла, я дал командование над двумя конными когортами. Это человек опытный, отличающийся суровым образом жизни и почтенными нравами. Думаю, что он будет полезным в лагере; во всяком случае, я вполне уверен в том, что вреда он не принесет. (8) Я назначил ему двойное содержание, простую военную одежду, а жалование — в четырехкратном размере против того, какое причитается ему по его положению. Ободрите его, чтобы он показал себя перед государством, — в будущем он будет награжден по заслугам». (9) Есть и другое письмо, написанное о нем тем же Марком во время восстания Авидия Кассия. Вот его копия: (10) «Похвальна твердость Альбина, который удержал в повиновении сильно колебавшиеся войска, когда они готовы были перейти на сторону Авидия Кассия. (11) Если бы не он, — все бы отпало. Таким образом, мы имеем в нем человека, достойного консульства; я назначу его на смену Кассию Папирию, о котором мне сообщали, что он едва дышит. (12) Однако пока что я не хочу, чтобы ты разгласил это: как бы это не дошло до самого Папирия или до его близких и не показалось, что мы на место еще живого консула назначили другого».

XI. (1) Что Альбин был человеком твердым — доказывается и приведенными письмами, и особенно тем, что он послал деньги для восстановления городов, разрушенных Нигром, чтобы тем легче привлечь на свою сторону их жителей. (2) Кодр, который в написанных им томах излагает разные мелочи, сообщает, что он был прожорлив и поглотил такое количество фруктов, какое не может охватить человеческий разум. (3) По его словам, он съел натошак пятьсот воробьиных фиг, которые греки называют каллиструтиями, сто кампанских персиков, десять остийских дынь, двадцать фунтов лабиканского винограда, сто фиговых пенок и четыреста устриц. (4) Он же говорит, что Альбин был умерен в употреблении вина, но это отрицает Север, который утверж-

дает, что Альбин пьянствовал даже на войне. (5) Со своими он был всегда в дурных отношениях либо вследствие своей страсти к вину, как говорит Север, либо вследствие крутости своего нрава. (6) Жене он был в высшей степени ненавистен, по отношению к слугам — несправедлив, по отношению к воинам — свиреп. Часто он распинал на кресте даже образцовых центурионов, хотя вина их не требовала такого наказания. Розгами он наказывал очень часто и проступков никогда не прощал. (7) Он носил очень щегольскую одежду, в еде же был крайне неразборчив и заботился только о количестве. Он был одним из первых любителей женщин, но всегда чуждался извращенных любовных утех и преследовал за такие вещи. Он имел большие познания в сельском хозяйстве и даже написал книгу «Георгики». (8) Некоторые приписывают ему «Милетские рассказы», пользующиеся немалой славой, хотя написаны они посредственно.

XII. (1) Сенат любил его как никого из государей, главным образом — из нерасположения к Северу, которого сенаторы сильно ненавидели за его жестокость. (2) Победив Альбина, Север убил очень многих сенаторов, которые либо действительно были, либо казались сторонниками Альбина. (3) Когда Альбин был убит при Лугдуне, Север немедленно приказал отыскать его письма — для того, чтобы узнать, кому он писал и кто ему отвечал, и он заставил сенат признать врагами всех тех, чьи письма он нашел; (4) никого из них он не простил, но самих погубил, а имущество их конфисковал и велел сдать в государственную казну. (5) Имеется письмо этого императора сенату, в котором хорошо отражается его характер. (6) Вот его копия: «Ничего не может быть тяжелее для меня, отцы сенаторы, нежели видеть, что вы благоволите больше к Альбину, чем к Северу. (7) Я доставил хлеб государству, я вел много войн за государство, я доставил римскому народу столько масла, сколько с трудом можно было найти в природе. Убив Песценния Нигра, я освободил вас от бедствий тирании. (8) Вы превосходно вознаградили меня за это, превосходно отблагодарили: какого-то африканца, притом из Гадрумета, выдумавшего, будто он происходит от крови Цейониев, вы так возвеличили, что пожелали иметь его своим государем, в то время как государем являюсь я и живы мои дети. (9) Неужели, спрашиваю я, в составе столь большого сената не нашлось кого-нибудь другого, кого вам следовало бы полюбить, кто любил бы вас. Брата этого человека вы возвеличили, осыпав его почестями, от него вы ждете консульства, от него — преторства, от него — всяких должностей с их знаками отличия. (10) Не такую благодарность проявляете вы по отношению ко мне, какую выказали ваши предки, выступив против приверженцев Пизона, высказавшись за Траяна и, недавно еще, выступив против Авидия Кассия; этого притворщика, готового на всякого рода обман, лживо присвоившего себе знатность, вы предпочли мне. (11) Больше того, — стоило только послушать в сенате Статилия Корфулена, когда он предлагал назначить почести Альбину и его брату: недоставало только одного — чтобы этот знатный муж внес еще предложение о назначении триумфа за победу надо мной. (12) Еще больше огорчило меня то, что большинство из вас считало долгом восхвалять его как образованного человека, тогда как он до самой старости занимался какими-то старушечьими побасенками, вращаясь между милетско-пунийскими рассказами своего Апулея и литературными забавами». (13) Отсюда можно видеть, с какой суровостью Север покарал приверженцев Песценния и приверженцев Клодия. (14) Все это рассказано в жизнеописании Севера. Тот, кто хочет узнать об этом подробнее, пусть прочтет из римских писателей Мариа Максима, а из греческих — Геродиана, которые достоверно рассказывали об очень многом.

XIII. (1) Альбин был высокого роста, на своих курчавых волосах он носил повязку, лоб у него был широкий. Кожа его отличалась удивительной белизной, которая приводила всех в изумление; вследствие этого, как думают многие, он и получил свое имя. Голос у него был женский и по звуку приближался к голосу евнухов. Он легко приходил в возбуждение, в гневе был неумолим, в ярости — страшен. В излишествах он был непостоянен: часто проявлял слабость к вину, не раз бывал воздержан. (2) Он хорошо владел оружием. Словом, его очень удачно называли Катгилиной своего времени. (3) Мы считаем излишним изложить причины, по которым Клодий Альбин заслужил любовь сената. (4) Командуя, по приказу Коммода, британскими войсками и получив

ложное — для того времени — известие об убийстве Коммода, он, несмотря на то, что сам Коммод пожаловал ему имя Цезаря, выступил перед войнами на сходке с такой речью: (5) «Если бы сенат римского народа имел свою прежнюю, всем известную власть и столь великое государство не находилось в руках одного человека, то судьбы государства не зависели бы ни от Вителлиев, ни от Неронов, ни от Домицианов. Консульская власть принадлежала бы родам Цейониев, Альбинов, Постумиев, о которых многое узнали ваши отцы, сами слышавшие о них от своих отцов: (6) ведь сенат присоединил к Римской империи Африку, сенат добавил Галлию, сенат покорил Испанию, сенат предписал законы восточным народам, сенат пытался покорить парфия и покорил бы, если бы судьба государства не поставила тогда во главе войска корыстолюбивого вождя. (7) Британию завоевал Цезарь, который был тогда, несомненно, сенатором, но еще не диктатором. И сам этот Коммод, насколько лучше был бы он, если бы чувствовал страх перед сенатом. (8) Авторитет сената имел значение вплоть до времен Нерона: сенат не побоялся осудить этого грязного и мерзкого государя — ведь были высказаны мнения, враждебные тому, кто держал тогда в своих руках жизнь и смерть и имел всю полноту власти. (9) Поэтому, соратники, я не хочу принять имя Цезаря, которое даровал мне Коммод. (10) Да сделают боги так, чтобы и другие также этого не пожелали. Пусть властвует сенат, пусть он распределяет провинции, пусть он делает нас консулами! Но что я говорю — сенат? Нет, вы сами и ваши отцы, так как вы сами будете сенаторами».

XIV. (1) Эта речь была передана в Рим еще при жизни Коммода. Она так сильно восстановила его против Альбина, что он немедленно послал ему преемника — одного из близких своих товарищей Юния Севера. (2) Сенату же речь эта так понравилась, что он приветствовал Альбина, хотя тот и был далеко, удивительными возгласами — как при жизни Коммода, так и потом, когда Коммод был убит. Некоторые даже советовали Пертинаксу принять Альбина в соправители; его авторитет больше всего подействовал на Юлиана, когда последний решил убить Пертинакса. (3) Чтобы стало понятно, что это правда, я помещаю здесь письмо Коммода к своим префектам претория, в котором он выразил свое намерение убить Альбина, (4) «Аврелий Коммод префектам, привет. Вы, думаю, слышали, прежде всего, о том, что был пущен ложный слух, будто я убит по решению моих близких, а затем — и о речи, произнесенной перед моими войнами Клодием Альбином, который очень подслуживается к сенату и притом, насколько мы понимаем, не без успеха. (5) Ведь тот, кто утверждает, что в государстве не должно быть единого государя, кто настаивает на том, что все государство должно управляться сенатом, тот с помощью сената добивается для себя императорской власти. Поэтому тщательнейшим образом следите за ним: вы ведь знаете уже, что это такой человек, которого и вам, и войнам, и народу следует избегать». (6) Когда Пертинакс нашел это письмо, он обнаружил его, чтобы вызвать ненависть к Альбину. Вот почему Альбин и подстрекал Юлиана к убийству Пертинакса.

